

В. А. ЗОЛОТАРЕВ

**Непримиримые союзники.
Размышления о книге О. А. Ржешевского
«Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии.
Документы и комментарии, 1941–1945». М., 2004**

Новая книга известного историка, научного руководителя Центра истории войн и геополитики Института всеобщей истории РАН, доктора исторических наук проф. О. А. Ржешевского¹ посвящена одному из кардинальных явлений второй мировой войны — созданию и функционированию антигитлеровской коалиции. Она раскрывает деятельность Сталина и Черчилля в годы союза СССР, США, Великобритании и других стран антигитлеровской коалиции, которые, объединив усилия, преодолев полосу катастроф и поражений, разгромили во второй мировой войне коалицию агрессоров во главе с Германией, Италией и Японией.

Особой ценностью труда является то, что он полностью построен на документах Архива Президента Российской Федерации, Архива внешней политики Российской Федерации, Российского Государственного архива социально-политической истории, Государственного архива Великобритании, Архива У. Черчилля при Кембриджском университете и Национального архива США. Это наиболее полные записи бесед Сталина и Черчилля, сопутствующие материалы. Многие документы (всего их 189) 1942–1945 гг., в том числе записи ряда бесед двух лидеров, публикуются впервые. Они содержат немало открытий, устраняют некоторые «белые пятна» в истории антигитлеровской коалиции, дают представление о механизме принятия решений союзными державами и их лидерами, объясняют успехи и просчеты советской и британской дипломатии.

Сталин и Черчилль были союзниками-антагонистами, руководителями государств с противоположными социальными системами, каждое из которых в рамках коалиции преследовало собственные цели в войне. В этих необычных исторических условиях Сталин и Черчилль искали и находили пути к сотрудничеству, постоянно видели ту грань, за которой национальные интересы входили в противоречие с общими целями войны, и стремились этого избежать. Черчилль говорил: «Что может быть хуже союзников? Только их отсутствие». Сталин в речи 5 мая 1941 г.² перед выпускниками академий РККА подчеркнул ту же мысль: «Без союзников воевать нельзя». В то же время в книге публикуются документы, указывающие, что на завершающем этапе войны в генеральных штабах западных держав рассматривали СССР как «главного врага» и рассчитывали на германский вермахт как союзника в будущем «неизбежном противоборстве».

Одной из особенностей книги является то, что автор в отличие от многих предшественников, освещавших эту тему, собрал и обобщил стенограммы бесед Сталина и Черчилля по жизненно важным, ключевым проблемам союзнических отношений в войне. И это дорогого стоит, потому что такие документы не только излагают суть вопроса, но и передают атмосферу переговоров, отражают позиции и характеры двух великих и противоречивых фигур XX в.

Книга состоит из вступления, восьми глав (Москва. 15–22 декабря 1941 года. Прояснение позиций, «Сталин показывает свои когти»; Лондон. 22 мая 1942 года. Директивы Сталина и подписание договора; Вашингтон. 29 мая — 5 июня 1942 года. Большой союз создан; Лондон. 8–11 июня 1942 года. Камуфлет Черчилля; Москва. 12–16 августа 1942 года. Операция «Браслет»; Тегеран. 28 ноября — 1 декабря 1943 года. Черчилль между Рузвельтом и Сталиным; Москва. 9–18 октября 1944 года. Процентное соглашение и польский тупик; Последние встречи. 1945 год) и интересного заключительного очерка академика Ю. А. Полякова об авторе книги.

Остановимся на трех основных проблемах, которые являются главными в публикуемых документах и размышлениях автора: создании антигитлеровской коалиции, борьбе за открытие второго фронта, послевоенном устройстве Европы.

Прежде всего автор вносит коррективы в распространенную точку зрения о том, что после заключения советско-германских

договоров 1939 г.³ и до 22 июня 1941 г. отношения СССР с Англией и США оставались однозначно негативными. Из материалов книги следует, что происходил скрытый от общественности поиск взаимовыгодного компромисса. Германская агрессия в разной степени угрожала всем трем странам — Великобритании, США и СССР. Позднее Черчилль вспоминал, что еще в начале 1938 г., до мюнхенского соглашения, у него возник «план создания Лиги трех Великих Демократий в составе Великобритании, США и СССР, которые вместе смогли бы вести за собой мир».

Казалось, после заключения в августе-сентябре 1939 г. советско-германских договоренностей движение в этом направлении заблокировано. Но Англия в отличие от СССР и США уже вела войну с Германией, и Черчилль сделал первый шаг. 6 октября 1939 г. он пригласил к себе советского посла И. М. Майского и в ответ на его вопрос: «Что Вы думаете о мирных предложениях Гитлера?» — сказал: «Некоторые из моих консервативных друзей рекомендуют мир. Они боятся, что в ходе войны Германия станет большевистской. Но я стою за войну до конца. Гитлер должен быть уничтожен. Нацизм должен быть сокрушен раз и навсегда. Пускай Германия становится большевистской. Это меня не пугает. Лучше коммунизм, чем нацизм». Далее он разъяснил позицию британского правительства в создавшейся обстановке: 1. Основные интересы Англии и СССР нигде не сталкиваются; 2. СССР должен быть хозяином на восточном берегу Балтийского моря, и он очень рад, что балтийские страны включаются в вашу, а не в германскую государственную систему; 3. Необходимо совместными усилиями закрыть немцам доступ в Черное море; 4. Британское правительство желает, чтобы нейтралитет СССР был дружественным по отношению к Великобритании».

Положительное отношение Черчилля к включению балтийских стран в советскую государственную систему — его оценка событий в Эстонии, Латвии и Литве в 1939–1940 гг. Вступление на территорию этих стран советских войск на основе заключения договоров о взаимопомощи создавало барьер на пути распространения германской агрессии. Ныне в прибалтийских странах эти события представляются как «советская оккупация», используются в качестве предлога для реабилитации прибалтийских эсэсовцев, осквернения памятников советским воинам-освободителям, дискриминации русскоязычного населения.

Однако вернемся к англо-советским переговорам, которые начались вскоре после встречи Черчилля с И. М. Майским. В Лондоне они в основном велись между советским послом и парламентским заместителем министра иностранных дел Р. А. Батлером; в них также участвовали министр иностранных дел Э. Галифакс, а затем сменивший его на этом посту А. Иден. В Москве переговоры вел британский посол С. Криппс. Англия стремилась «навести мосты», а СССР — не сжигать их (с. 12).

21 февраля 1940 г. нарком иностранных дел В. М. Молотов направил указание Майскому следующим образом разъяснить Р. А. Батлеру политику СССР в отношении Германии: «1. Мы считаем смешным и оскорбительным для нас не только утверждение, но даже просто предположение, что СССР будто бы вступил в военный союз Германией. 2. Хозяйственный договор с Германией есть всего лишь договор о товарообороте, по которому вывоз из СССР в Германию достигает всего 500 млн марок причем договор экономически выгоден СССР, так как СССР получает от Германии большое количество станков и оборудования, равно как изрядное количество вооружения, в продаже которого, как известно, отказывали нам как в Англии, так и во Франции».

Выгода от этой торговли была обоюдной, но по характеру поставок она существенно различалась. СССР поставлял Германии сырье (руды различных металлов, нефть зерно и т. д.), а получал необходимые для советской промышленности станки, образцы военной техники и вооружения. Только в 1940 г. Советский Союз закупил в Германии новейшие боевые самолеты («Мессершмитт-109», «Юнкерс-88», «Дорнье-215» и др.) крейсер «Лютцов», артиллерийское и другое вооружение.

С окончанием советско-финляндской войны⁴ правительство Великобритании все более склонялось к поддержке СССР в случае нападения Германии. Поражение Франции и англо-французской коалиции, когда Великобритания фактически лишилась союзников, курс на сближение с СССР приобрел для пришедшего к власти правительства Черчилля решающее значение в европейской политике.

Автор также указывает на изменения в советско-американских отношениях. Инициатива в их перестройке принадлежала Сталину. В ноябре 1939 г. он направил Ф. Рузвельту послание, в котором выражалась надежда, что «общими усилиями может быть восстановлен мир». Послание осталось без ответа, но вскоре после

окончания советско-финляндской войны, между США и СССР начались переговоры. В Вашингтоне их преимущественно вели заместитель государственного секретаря С. Уэллес и советский посол К. И. Уманский, а в Москве — В. М. Молотов и американский посол Л. Штейнгардт. 6 августа 1940 г. была достигнута договоренность о продлении американо-советского торгового соглашения. Экспорт в СССР за 1940 г. возрос на 54% и занял второе место после германского экспорта. 21 января 1941 г. Уэллес в беседе с Уманским (это была их 15-я встреча) сделал важное заявление: «Если бы СССР пришлось сопротивляться агрессору, то США оказали бы ему помощь».

Позитивные результаты в советско-английских и советско-американских переговорах достигались с большим трудом, осложнялись взаимным недоверием, войной СССР с Финляндией, событиями в Прибалтике, действиями враждебных СССР сил в Великобритании и США и тем не менее прокладывали себе дорогу. Как отмечает один из ведущих историков США проф. У. Кимболл: «Нацистско-советский пакт и советское нападение на Финляндию, вызвавшие возмущение президента, были интерпретированы Белым домом как следствие скорее советских опасений германской агрессии, чем коммунистической экспансией».

В Москве реалистично оценивали расстановку сил, но советской дипломатии не хватало гибкости. К. И. Уманский не смог установить необходимых для переговоров личных отношений с С. Уэллесом. По крайней мере так считали в госдепартаменте. Л. Штейнгардт, напротив, высказывал мнение, что все дело «в тупом упорстве» самого Уэллеса (с. 206). Отметим, что значение фактора личных отношений участников переговоров или, говоря языком дипломатов, «искусства общения» трудно переоценить. На этот счет как в публикуемых документах, так и в комментариях к ним содержится немало поучительных наблюдений.

Главное — ко времени нападения Германии на СССР Черчилль и Рузвельт пришли к выводу о необходимости поддержки СССР в войне. С соответствующими заявлениями Черчилль выступил 22 июня 1941 г., Рузвельт — 24 июня. Хорошо известно, что в США были сильны позиции изоляционистов и других противников политики Рузвельта. К тому же понятие «война» все еще воспринималось значительной частью американского общества весьма абстрактно. Призыв сенатора Г. Трумэна помогать тому, кто будет выигрывать («пусть они убивают как можно больше»)

за день до выступления американского президента отражал именно такие настроения. В меньшей степени они были распространены в Англии. Аргументы сторонников союза с СССР были реалистичны и убедительны: поражение Советского Союза означает прямую угрозу независимости Великобритании и США (с. 206).

3 июля 1941 г. Сталин в своем первом за войну публичном выступлении⁵ выразил уверенность, что борьба советского народа за свободу страны «сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы» (там же).

Основания для такого прогноза имелись. Расширение германской агрессии, консолидация блока Германии, Италии, Японии и их сателлитов угрожали независимости большинства стран мира. 12 стран Европы были оккупированы захватчиками. Разрасталась японская агрессия в Азии. Поэтому неудивительно, что союзные отношения Англии и СССР, которые уже вели войну с Германией, начали формироваться ускоренными темпами. Еще до выступления Сталина в Москву 27 июня 1941 г. прибыла британская военная и экономическая миссия. Через несколько дней в Лондон и в Вашингтон направилась советская военная миссия. У. Черчилль писал 7 июля Сталину: «Мы приветствуем прибытие советской военной миссии с целью согласования будущих планов».

Крупным событием явилось подписание 12 июля 1941 г. в Москве советско-британского соглашения о совместных действиях в войне против Германии и намерение сторон подготовить всеобъемлющий союзный договор двух государств. Важное значение в формировании будущего союза СССР, США и Великобритании имел визит в Москву в конце июня 1941 г. Гопкинса — личного представителя президента США, его переговоры со Сталиным и Молотовым об американских поставках в СССР. 1 августа 1941 г. в сопровождении советского эсминца «Сокрушительный» в Архангельск прибыл английский минный заградитель «Адвенчур» с грузом глубинных бомб и магнитных мин. Для прикрытия северных конвоев с воздуха в район Кольского полуострова направилась эскадрилья британских ВВС. 25 августа британские и советские войска вступили в Иран, предотвратив вовлечение этой страны в войну на стороне Германии. Союзнические отношения приобретали реальные очертания.

К числу важнейших документов, впервые опубликованных автором, следует отнести проекты секретных протоколов к англо-

советскому союзному договору, для подписания которого Идеи, проделав на крейсере «Кент» сложный и опасный путь от Британских островов до Мурманска, прибыл в ночь на 16 декабря 1941 г. поездом из Мурманска в Москву. Это было время, когда развернулось с еще неясными результатами контрнаступление Красной Армии в битве под Москвой. По стечению непредсказуемых обстоятельств Иден еще в начале своего пути из Англии узнал о нападении японских авианосных сил на Пёрл-Харбор, вступлении в войну США и гибели под японскими бомбами британского линкора «Принц Уэльский» и крейсера «Рипалс» — основы Восточного флота Великобритании, который прикрывал с моря Сингапур, Индию и Цейлон.

Вечером 16 декабря Идена принял Сталин и предложил согласованный по дипломатическим каналам союзный договор дополнить секретным протоколом, в котором, наметить, как он выразился, «общую схему реорганизации европейских границ после войны». По существу это был план послевоенного территориального устройства Европы, соответствующий геополитическим целям СССР в войне. Предусматривалось восстановление суверенитета государств, оккупированных захватчиками, с территориальными приращениями ряду стран, в том числе Польше, за счет стран-агрессоров; разоружение и раздел Германии, пересмотр системы контроля над черноморскими проливами, договоры СССР о взаимопомощи с Румынией и Финляндией с советскими военными базами в этих странах; контроль Англии над Бельгией и Голландией с британскими военными базами в этих странах и портах северной Германии. Главное в протоколе — признание границ СССР по состоянию на 22 июня 1941 г.

Для Идена предложение о секретном протоколе было неожиданным и неприемлемым по ряду причин, в том числе ввиду необходимости согласования такого документа с США и его одобрения английским парламентом. В драматической дискуссии со Сталиным он изложил суть своих возражений. Сталин ответил, что «придется отложить» подписание договора. Так и произошло в действительности.

Поездка на фронт, осмотр только что освобожденных районов Подмосковья, предупредительность и внимание, проявленные к Идену, четыре его встречи со Сталиным, в ходе которых Иден по поручению Черчилля, внимательно следившему за ходом пере-

говоров, поставил вопрос о возможной перспективе вступления СССР в войну с Японией и получил обнадеживающий ответ, изменили атмосферу переговоров в благоприятном направлении. Перед отъездом Иден сообщил Черчиллю: «Наша работа завершилась на дружественной ноте... Мы преодолели по меньшей мере некоторые из прежних подозрений. Сталин, я убежден, искренне стремится к военному соглашению, но не подпишет его до тех пор, пока мы не признаем его границ» (с. 91). В последнем Иден ошибался.

Проекты секретных протоколов (их три варианта) служат важным ориентиром для анализа внешнеполитического курса СССР в войне и достигнутых геополитических целей. Они дополняют содержание 23-го тома «Документов внешней политики» за период с 21 июня 1941 г. до 1 января 1942 г. — фундаментального издания Министерства иностранных дел (М., 2000).

19 мая 1942 г. для подписания договоров с союзниками и решения вопроса об открытии второго фронта в Лондон и Вашингтон направился Молотов. Советскую «летающую крепость» ТБ-7 (Пе-8) пилотировал легендарный эстонец Э. Пусэп, Герой Советского Союза (незадолго до его недавней кончины власти Таллина отобрали у него квартиру). В книге подробно рассказано об этом необычном перелете на расстояние около 10 тыс. км и многих деталях визита советского наркома.

В Лондоне английская сторона представила Молотову свой проект договора. Признание границ в нем отсутствовало. Молотов и Майский отправили в Москву обстоятельную телеграмму с анализом британского проекта, которая заканчивалась следующим выводом: «Считаем этот договор неприемлемым, так как он является пустой декларацией, в которой СССР не нуждается». Тем не менее 26 мая 1942 г. договор был подписан⁶. До последнего времени историкам не было известно, почему и как это произошло. Публикуемая в книге телеграмма Сталина (за подписью «Инстанция», полученная в советском посольстве 24 мая) дает на это ответ: «Молотову. Проект договора, переданный тебе Иденом, получили. Мы его не считаем пустой декларацией и признаем, что он является важным документом. Там нет вопроса о безопасности границ, но это, пожалуй, неплохо, так как у нас руки остаются свободными. Вопрос о границах, или скорее о гарантиях безопасности наших границ на том или ином участке нашей страны, будем решать силой... Желательно поскорее подписать

договор и после этого вылететь в Америку». Важнейшая цель поездки Молотова состояла в том, чтобы добиться от союзников открытия второго фронта в 1942 г. и прежде всего решения этого вопроса президентом США.

Впервые вопрос об открытии второго фронта был поставлен в послании Сталина к Черчиллю 18 июля 1941 г. Приветствуя установление между СССР и Великобританией союзнических отношений, советский лидер писал, что «военное положение Советского Союза, равно как и Великобритании, было бы значительно улучшено, если бы был создан фронт против Гитлера за Западе (Северная Франция) и на севере (Арктика). Фронт на севере Франции не только мог бы оттянуть силы Гитлера с востока, но и сделал бы невозможным вторжение Гитлера в Англию». Основные события, связанные с открытием второго фронта — это советско-американское и советско-английское коммюнике по результатам поездки Молотова в Лондон и Вашингтон о «неотложных задачах открытия второго фронта в 1942 году», кризис в союзнических отношениях ввиду невыполнения Рузвельтом и Черчиллем заверений Сталину об открытии второго фронта в 1943 г. с отзывом советских послов из Лондона и Вашингтона и, наконец, решения Тегеранской конференции 1943 г.

Остановимся на тех новых моментах, о которых мы узнали из публикуемых в книге документов. В решающей степени вопрос об открытии второго фронта зависел от США и сосредоточения необходимых для этого американских войск на британских островах.

К апрелю 1942 г. в американских штабах был разработан план такого сосредоточения. Он был обсужден в Белом доме и одобрен Рузвельтом, который придавал ему большое значение. Отношение президента к указанному плану определялось оценкой СССР как могучего союзника не только в борьбе с Германией, но и в перспективе с Японией. Глава американской военной миссии в Москве в 1943–1945 гг. генерал Дж. Дин писал, что «почти с начала нападения Японии на США и фактически до окончательной катастрофы Японии президент и начальники штабов придавали величайшую важность советскому участию в тихоокеанской войне».

Рузвельт направил в Лондон Г. Гопкинса и начальника штаба армии США генерала Дж. Маршалла. В послании Черчиллю от 30 апреля 1942 г. он писал: «То, о чем расскажет Вам Гарри (Гопкинс. — В. З.) и Дж. Маршалл, я разделяю всем сердцем

и умом. Ваш народ и мой народ требуют создания фронта, который бы ослабил давление на русских, и эти народы достаточно мудры, чтобы понимать, что русские сегодня убивают немцев и уничтожают снаряжения больше, чем Вы и я вместе взятые. Даже если полного успеха не будет, крупная цель будет достигнута». Он также подчеркнул, что «из-за погодных условий операцию нельзя откладывать до конца года». Гопкинс и Маршалл получили согласие британского правительства на открытие второго фронта в 1943 г. (операция «Раундап») и высадку ограниченного десанта западных союзников в 1942 г. (операция «Следжхаммер»), После этого в США и Англию и был приглашен В. М. Молотов. В переговорах с Молотовым о втором фронте Черчилль уклонился от ясного ответа на вопрос о перспективах его открытия в 1942 г. Он заверил советского наркома, что подготовка к высадке десанта в 1942 г. ведется с «максимальной энергией», и посоветовал Молотову, что «было бы очень полезно по вопросу о втором фронте иметь серьезную беседу с Рузвельтом и всеми его ближайшими советниками» (с. 125, 134).

В США после первых двух встреч с Рузвельтом и его советниками Молотов весьма скептически оценивал возможность открытия второго фронта в 1942 гг. Гопкинс заверил Молотова в том, что второй фронт будет создан в 1942 г., но дал понять, что для этого потребуются высвобождение части тоннажа из-под поставок в СССР по ленд-лизу с тем, чтобы ускорить переброску войск США на Британские острова. На этой основе и была включена в коммюнике формулировка о том, что «достигнута полная договоренность о неотложных задачах открытия второго фронта в 1942 году». Ее реальное значение до сих пор вызывает дискуссии.

Вместе с тем мы узнаём, что были разногласия между Молотовым, который сомневался в реальности открытия второго фронта в 1942 г. и Сталиным, который считал согласованную формулу в советско-американском (а затем в советско-английском коммюнике) обязательством западных союзников, подлежащим безусловному выполнению. Именно расчетом на открытие второго фронта можно объяснить решение советского правительства, изложенное в телеграмме Сталина Литвинову 6 июля 1942 г. уже после отлета Молотова из США в Англию: «Вы должны сообщить Рузвельту о согласии советского правительства о сокращении нашей заявки на тоннаж... и добавлением, что советское пра-

вительство идет на это, чтобы облегчить США подвозку войск в Западную Европу для создания там второго фронта в 1942 году, в соответствии с тем, как это сказано в согласованном Молотовым и Рузвельтом коммюнике. По нашему мнению, это может ускорить согласие Англии на организацию второго фронта в этом году». Поставки по ленд-лизу, столь необходимые в условиях, когда положение на советско-германском фронте ухудшалось с каждым днем, сокращались на 40%. В целом визит Молотова в США был успешным. Подготовленное соглашение (фактически союзный договор) было подписано 11 июня 1942 г. М. М. Литвиновым и К. Хэллом. Считалось, что достигнуто взаимопонимание с президентом Ф. Рузвельтом об открытии второго фронта, но скепсис Молотова сохранялся и получил свое подтверждение в Лондоне. В памятной записке, врученной Молотову 10 июня, говоря, лось, что подготовка к десанту на европейском континенте в августе или сентябре 1942 г. продолжается, но все зависит от конкретных условий, и «мы поэтому не можем дать никакого обещания в этом вопросе».

Через неделю Черчилль отправился в США. В ходе переговоров с Рузвельтом (17–25 июня) он весьма искусно перевел стрелки с открытия второго фронта в 1942 г. на высадку союзников в Африке, убедив Рузвельта в целесообразности именно такого решения, что позднее было названо «замаскированной победой английской позиции». В этой же главе автор показывает, что Черчилль настоял на том, чтобы начатую в Англии разработку атомного оружия в силу недостатка средств объединили с работами американских ученых, что в конечном итоге было реализовано в «Манхэттенском проекте» (с. 347).

Объясняться по вопросу о втором фронте со Сталиным предстояло Черчиллю в Москве, где он находился с 12 по 16 августа. Майский сообщил Сталину о цели визита Черчилля, но Сталин и этому сообщению не поверил. В книге подробно освещается ход и итоги первой личной встречи двух лидеров, которая грозила закончиться провалом. Накал страстей едва не довел до разрыва отношений. Решающее значение имела беседа в ночь с 15 на 16 августа. Многие проясняет воспроизведение ее как в советской, так и в английской записи, значительно более подробной и содержательной. Надо отметить эту особенность труда: автор в отдельных случаях прибегает к сопоставлению записей переговоров сторон, когда это необходимо. В итоге Черчилль заверил

Сталина, что второй фронт будет открыт в 1943 г., и Черчилль, возвратившись в Лондон, произнес в палате общин яркую речь с высокой оценкой своего визита и лично Сталина как военного лидера. Сталин в свою очередь дал в печати положительную оценку встречи, но Майскому сообщил: «У нас у всех в Москве создалось впечатление, что Черчилль держит курс на поражение СССР, чтобы сговориться с Германией Гитлера или Брюннинга за счет нашей страны». Сталин указывал на сокращение британских поставок, отсрочку с открытием второго фронта, недостаточную активность при бомбардировках Германии и др. Майский не согласился с его оценкой поведения Черчилля и изложил свои контраргументы. Сталин ответил: «Ваши соображения получил. Я нашел в них много интересного и поучительного». До сих пор неизвестный обмен мнениями Сталина и Майского (с. 326–378) во многом объясняет последующее развитие англо-советских отношений.

Думаю, что уверенность Сталина в открытии второго фронта в 1942 г. вряд ли имела достаточно оснований. Это объяснялось отсутствием необходимого количества войск США на Британских островах; реальной угрозой срыва операции вермахтом и преимуществ на этом фоне высадки войск в Северной Африке, где им противостояли малочисленные и трудноснабжаемые итало-германские войска; тяжелым положением западных союзников на азиатско-тихоокеанском театре, которое начало изменяться к лучшему только во второй половине 1942 г.; наконец, политикой сбережения собственных сил, прежде всего за счет советского союзника.

Окончательное решение об открытии второго фронта было принято в обстановке острой дискуссии на Тегеранской конференции Большой тройки (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). Внимание читателей несомненно привлекут интересные воспоминания о Тегеранской конференции З. В. Зарубиной — «обыкновенной и необыкновенной женщины», потомственной разведчицы, а ныне профессора Дипломатической академии МИД. 6 июня 1944 г. войска западных союзников высадилась в Нормандии. СССР выполнил обязательство предпринять стратегическое наступление на своем фронте, которое началось 10 июня. Через 30 лет в «Энциклопедии Американа» будет сказано, что «русские косвенно помогли Гитлеру тем, что никак не продемонстрировали своих намерений облегчить высадку союзников». Это, конечно, не так

и рассчитано на неосведомленного читателя (с. 414). Советское наступление завершилось разгромом 50 немецких дивизий, что способствовало успеху операции «Оверлорд».

Отметим одну важную деталь переписки Черчилля и Сталина, связанной с немецким контрнаступлением в Арденнах. Автор обоснованно избегает трактовки письма Черчилля Сталину от 6 января 1945 г. как «обращения за помощью», нередко встречающееся в нашей литературе. Таких слов в послании Черчилля нет, хотя оно и было рассчитано на военную поддержку, которая была оказана англо-американским войскам незамедлительно. Дипломатия остается дипломатией, у нее свои правила игры.

Дискуссии Большой тройки о послевоенном устройстве Европы и мира велись на протяжении всей войны по широкому кругу вопросов — от восстановления суверенитета стран, оккупированных захватчиками, будущего Германии и ее союзников, территориальных изменений и раздела «сфер влияния», перспектив развития мировой экономики, финансовых проблем, до создания всемирной организации безопасности и наказания главных военных преступников. В дискуссиях между Сталиным и Черчиллем центральное место занимали германский вопрос, послевоенное устройство Европы, прежде всего приграничных СССР стран и особенно Польши. Источником противоречий являлись геополитические императивы. СССР ставил своей целью создать на западных границах «пояс безопасности» из дружественных стран вместо враждебного «санитарного кордона», существовавшего до войны; при этом силового «экспорта революции» в период 1944 г. — начала 1945 г. стремились избежать. Великобритания, опираясь на поддержку США — восстановить и укрепить свои собственные позиции в этих странах, воспрепятствовать дальнейшему распространению советского влияния в Европе.

Советские геополитические цели стали ясны английской стороне по итогам встречи Сталина с Иденом в декабре 1941 г. и из содержания советского проекта секретного протокола к союзному договору, о чем говорилось ранее. Иден в своих мемуарах писал: «Предложенный Сталиным протокол указывал, что наши надежды в Лондоне на то, что удастся ограничить обсуждение вопроса о границах общими положениями Атлантической хартии, не оправдались. *Цель русских была уже твердо определена. Она лишь незначительно изменилась в последние три года [войны]*

и заключалась в том, чтобы обеспечить максимальные границы безопасности России» (курсив мой. — В. З.).

«Процентное соглашение» 1944 г., достигнутое на московских переговорах Сталина с Черчиллем 9–18 октября 1944 г., определило раздел «сфер влияния» на Балканах — в Румынии, Греции, Югославии, Венгрии и Болгарии. К тому времени Рузвельт и Черчилль фактически согласились с границами СССР по состоянию на 22 июня 1941 г., но по вопросу о будущем Польши возник давно назревавший тупик, который спровоцировал многие дезинтеграционные процессы в антигитлеровской коалиции. Документы, относящиеся к этим событиям, раскрывают драматическую картину попыток двух лидеров найти компромиссное решение и причин, почему этого не произошло (с. 412–487).

Сложность обстановки состояла в том, что в ряде государств Восточной и Юго-Восточной Европы сложились и действовали противоборствующие силы Сопротивления. Одни из них поддерживала Москва, другие — Лондон. (В Греции коммунистическим силам ЭЛАС противостояли силы ЭДЭС; в Югославии Народно-освободительной армии И. Тито — четники Д. Михайловича; в Польше Армии Крайовой эмигрантского правительства в Лондоне — Армия Людова Польского Комитета Национального Освобождения). В каждой из стран соотношение этих сил было различным, как и их вклад в борьбу против оккупантов. В Югославии и Греции «промосковские» силы добились наибольших результатов. Немецкие оккупационные войска в этих странах терпели одно поражение за другим. В Румынии в условиях победоносного наступления Красной Армии (Яско-Кишиневская операция 20–29.08.1944 г.) и окружения румынских войск объединенные силы возглавляемого коммунистами Патриотического фронта при поддержке короля Михая подняли 23 августа в Бухаресте вооруженное восстание, в результате которого фашистский режим И. Антонеску был свергнут. Румыния объявила войну Германии.

Эти особенности обстановки позволяют яснее понять, как и почему Черчилль расставлял свои «проценты влияния» в беседе со Сталиным 9 октября 1944 г.: в Румынии — 90% влияния России, 10% — другие; в Греции — 90% влияния Англии, в сотрудничестве с США, 10% — другие; в Югославии и Венгрии — 50% на 50%; в Болгарии — 75% влияния России, 25% — другим странам. Неформальный документ, фотокопия которого публикуется в книге, действовал до весны 1945 г.

Самым трудным для советского правительства было решение о Греции, где коммунисты уверенно шли к власти. Объективная оценка этого решения, против которого возражали Димитров и Молотов, имеет принципиальное значение. Приграничные СССР страны были рубежом советских геополитических целей. Все еще распространяемые версии об угрозе силового захвата Красной армией Европы «до берегов Бискайского залива» не подтверждаются документами. Автор приводит следующее высказывание Сталина в беседе с Димитровым (январь 1945 г.): «Я советовал, чтобы в Греции не затевали эту борьбу. Люди ЭЛАС не должны были выходить из правительства Папандреу (премьер-министр греческого правительства в эмиграции. — В. З.). Они принялись за дело, для которого у них сил не хватает. Видимо, они рассчитывали, что Красная Армия спустится до Эгейского моря. Мы этого не можем делать. Мы не можем посылать в Грецию свои войска». 15 октября 1944 г. войска 3-го Украинского фронта получили директиву Ставки ВГК⁷ закрепиться после освобождения Белграда на достигнутых рубежах и «дальше вглубь Югославии не продвигаться». Черчилль говорил, что Сталин «никогда не нарушал данного мне слова».

Однако вернемся к «процентному соглашению». Польша в нем отсутствовала. За ее будущее развернулась острая борьба. Новый тур переговоров был уникален как по содержанию, так и по составу участников. Дело в том, что в Москву были приглашены высшие представители «лондонских» и «московских» поляков во главе с премьер-министром эмигрантского правительства С. Миколайчиком и председателем Крайовой Рады Народовой Б. Берутом, с которыми Сталин и Черчилль вели переговоры совместно. Препятствий было больше, чем возможностей. Несмотря на давление Черчилля «лондонские» поляки отказывались признавать советско-польскую границу по состоянию на 22 июня 1941 г. Вопрос о составе польского правительства зашел в тупик. Миколайчик требовал не менее 50% мест, Берут категорически в этом отказывал.

Вначале 1945 г. на Ялтинской конференции Сталин, Рузвельт и Черчилль достигли соглашения о создании Временного польского правительства национального единства. Его конкретный состав было поручено согласовать «Комиссии трех» — В. М. Молотову, Дж. Бирнсу и А. Идену. Именно в эти месяцы Красная Армия, в составе которой действовали две армии Войска Польского,

созданного в СССР, завершала освобождение Польши. На всей территории страны устанавливалась власть советских комендатур и «московских» поляков. Подобное развитие событий в стране, из-за которой Великобритания вступила во вторую мировую войну, было неприемлемо для Черчилля.

Так у британского премьера возникла идея вытеснить советские войска с территории Польши силой. Британские документы, относящиеся к разработке этого плана, публикуются в книге и поражают своей ирреальностью. План предусматривал нанести «тотальное поражение» СССР в скоротечной войне объединенными силами англо-американских сил в Европе и еще сохранившихся войск вермахта (только в Норвегии их было около 400 тысяч). Войну планировалось начать 1 июля 1945 г. (с. 525). Одновременно не только в секретной переписке с Трумэном, но и в публичных выступлениях Черчилля зазвучали антисоветские призывы.

План операции под кодовым названием «Немыслимое» разрабатывали опытные штабисты. 22 мая 1945 г. они направили его на утверждение Комитету начальников штабов. По косвенным данным, план начали готовить в апреле 1945 г. Кончина президента Ф. Рузвельта (12 апреля) явилась для британского премьера шансом занять лидирующее положение в англо-американском союзе и навязать миру свой сценарий развития событий.

Но Черчилля подстерегала неожиданность. Имперский комитет начальников штабов во главе с фельдмаршалом А. Бруком пришел к выводу, что превосходящая мощь Красной армии на Европейском театре (по сухопутным войскам 2:1) исключает возможность проведения против нее каких-либо наступательных операций, и план временно положили под сукно.

Убедившись в нереальности своих фантастических замыслов, Черчилль вновь ищет компромисса со Сталиным. В ходе подготовки к последней встрече Большой тройки в Потсдаме в июле 1945 г. было достигнуто соглашение о формировании единого правительства в Польше. 28 июня 1945 г. в Варшаве объявили его состав. «Лондонские» поляки получили 4 поста из 21. С. Миколайчик занял пост второго заместителя премьер-министра и министра земледелия. СССР, США и Великобритания заявили о признании нового польского правительства. На Потсдамской конференции Черчилль поддержал советское предложение о репарациях, о пересмотре конвенции о черномор-

ских проливах (вопрос остался нерешенным), о передаче СССР города Кенигсберга. Личная встреча Черчилля со Сталиным 18 июля 1945 г. в присутствии только переводчиков затянулась далеко за полночь. Все это послужило основанием для вывода А. Идена о том, что «Уинстон никуда не годится. Он снова попал под влияние Сталина». Не только. К тому времени важнейшие решения конференции в обход Черчилля и Идена предварительно согласовывались между Молотовым и Бирнсом (с. 535). На наш взгляд одной из причин очередного камуфлета Черчилля являлись предстоявшие в Великобритании парламентские выборы. Согласно опросам общественного мнения, около 70% англичан в 1945 г. дружественно относились к СССР. Консервативная партия вместе со своим лидером проиграли выборы, и Черчилль в Потсдам уже не вернулся. Начался новый, послевоенный этап англо-советских отношений.

Главная ценность книги — достоверное, основанное на документах воссоздание важнейших событий истории антигитлеровской коалиции — великого, но недолговечного союза стран и народов, спасшего мир от угрозы фашистского порабощения. Поучительный и плодотворный поиск Сталиным и Черчиллем компромиссов, преодоление противоречий, поддержка взаимовыгодных инициатив, принятие согласованных решений от вопросов большой стратегии до установления личных отношений и в то же время их непримиримая борьба за государственные интересы своих стран, как они их понимали, не утратили своей актуальности и заслуживают внимания широкого круга заинтересованных читателей. Необходимо также отметить, что книга хорошо иллюстрирована и оформлена.

